

даль къ его государству великіе два мѣста царскіе, на которыхъ госдарствахъ и вѣчно цари же были» [3, с. 452].

Таким образом, в 1550-х гг. в дипломатической переписке Московского государства с ВКЛ вырабатывается коммуникативная стратегия легитимизации царского титула московского государя, включающая 1) династическую преемственность царского титула и символов царской власти «от Мономаха»; 2) факт венчания на царство; 3) наследование титулов «царя Казанского» и «царя Астраханского»; 4) признание царского титула как европейскими, так и азиатскими монархами. Большинство представленных доводов носили фактологический характер и должны были убедить литовскую сторону признать московского государя «царем». Тем не менее Сигизмунд II продолжил последовательно игнорировать царский титул Ивана IV как в посольских инструкциях, так и в двусторонних дипломатических документах, поскольку «мы новых справъ у Хрестиянство уводити не звыкли» [4, с. 96].

С началом Ливонской войны (1558 г.) фокус внимания в отношениях Московского государства и ВКЛ сместился с титулатурных баталий на военные. В дипломатической коммуникации русских послов с литовской знатью борьба за признание Ивана IV «царем» в это время сходит на нет, замещаясь принципом «что ему (Ивану IV – Н. С.) Богъ даль, и то у него вся вселенная не убавить» [3, с. 587]. Между тем опыт выстраивания коммуникативной стратегии легитимизации царского титула русского государя, полученный московскими дипломатами в середине XVI века, окажется крайне ценным и востребованным на рубеже XVI–XVII веков в дипломатической полемике царя Бориса Годунова и Сигизмунда III, когда «титулатурная война» между Московским государством и ВКЛ разгорится с новой силой.

Библиографический список

1. Хорошкевич, А. Л. Царский титул Ивана IV и боярский «мятеж» 1553 года / А. Л. Хорошкевич // Отечественная история. – 1994. – № 3. – С. 23–42.
2. Филюшкин, А. И. Титулы русских государей / А. И. Филюшкин. – М.; СПб. : Альянс-Архео, 2006. – 256 с.
3. Сборник Императорского русского исторического общества: в 148 т. – СПб., 1867–1916. – Т. 59: Памятники дипломатических сношений Московского государства с польско-литовским. Ч. 2 (с 1533 по 1560 год) / ред. Г. Ф. Карпов. – СПб., 1887. – 869 с.
4. Книга Посольская метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государство короля Сигизмунда Августа (с 1545 по 1572 г.). – Москва : Университетская типография, 1843. – 516 с.
5. Бычкова, М. Е. Обряды венчания на престол 1498 и 1547 гг. : воплощение идеи власти государя / М. Е. Бычкова // Cahiers du monde russe et soviétique. – 1993. – Vol. 34. – P. 245–255.
6. Соловьёва, Н. Титулатура монарха в контексте внешнеполитического дискурса Великого княжества Литовского и Московского царства в конце XVI века (на материале «Метрики Великого княжества Литовского» 1585–1600 гг.) / Н. Соловьёва // Slavica Slovaca. – 2019. – Vol. 54. – P. 103–111.

НАРРАТОР И РЕЦЕПИЕНТ В СЛОВАХ БЕЛОРУССКОГО ЕПИСКОПА ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО

С. Э. Сомов (Минск, Беларусь)

Могилевский и Белорусский епископ (а в конце жизни первый архиепископ на Могилевской кафедре) Георгий Конисский был известен современникам и потомкам, особенно учащимся российских школ и гимназий XIX века, как выдающийся оратор, автор десятков слов

и речей. Его мастерство проповедника оттачивалось с ранних лет, когда он, будучи выпускником Киево-Могилянской академии и кандидатом на должность преподавателя красноречия в ней же, в течение двух лет исполнял послушание проповедника Киево-Печерской лавры, а позднее, вне всякого сомнения, также проповедовал в сане иеромонаха и в должности игумена Киевского училищного монастыря.

Однако оценить художественный и интеллектуальный уровень храмовых слов Киевского периода жизни и деятельности Георгия в настоящее время не представляется возможным, поскольку они не сохранились (может быть, еще не найдены), за исключением «Слова при постриге» [1]. Трудно судить о позиции начинающего нарратора, обращающегося со словом проповеди о Христе к специфической пастве – многочисленным монашествующим и паломникам древнейшего русского монастыря. Напротив, весьма богатый материал мы имеем в своем распоряжении из совершенного иного жизненного периода Конисского – его архиерейского служения на Белорусской кафедре с 1745 по 1795 г. Сохранились тексты более семидесяти его слов, собранных в конце XIX века в отдельной книге [2]. Позиция повествователя в этот период априори иная, поскольку в Киеве Конисский был лишь одним из монахов, иереев и даже игуменов-проповедников, но в Могилев он приехал уже как единственный на Белорусских землях православный архипастырь.

Новизна положения и новизна состава слушателей (до приезда в Могилев Конисский ни разу не был в Беларуси, не общался с паствой, пусть тоже православной, однако все же отличающейся от киевской) подтолкнула его уяснить для себя и растолковать рецепиентам свою позицию нарратора – епископа-проповедника, – в дальнейшем систематически им выдерживавшуюся во всех словах на протяжении сорока лет архиерейского служения. Именно этой теме он посвятил «Слово при вступлении на паству», датирующееся 26 октября 1755 г. [2, с. 53–59]. Наличие текста говорит о подготовленности выступления, а логичность содержания и стройность композиции свидетельствуют о продуманности выступления, отсутствия в нем импровизационного начала. Очевидно, что слово было написано Конисским в промежутке между архиерейской хиротонией в Киеве и приездом в Могилев, поскольку он произнес его в первые часы пребывания здесь, войдя с дороги в древнюю Богоявленскую церковь Братского монастыря и отслужив в ней Божественную литургию.

Мастерство нарратора-проповедника проявляется в этом слове уже в первом предложении, поскольку еще до формулировки темы и постановки проблемы повествователь грамотно устанавливает коммуникативный контакт со слушателями, причем позитивный по своему характеру: «Первое слово к вам, благочестивые слушатели, Христовы людие, разсудил я сказать о себе самом» [2, с. 53. Далее цитаты в орфографии и пунктуации оригинала]. Даже при том, что понятие «благочестивый» во времена Георгия, и в особенности в церковных кругах, характеризовало профессиональную принадлежность человека, т. е. «правoverующий», «православный», в отличие от католиков и униатов, оно одновременно связано и с понятием «благочестия», нравственного достоинства, наличие которого нарратор априори предполагает у рецепиентов, не различая их имущественного и социального статуса. Он усматривает в каждом из них христианское достоинство и тем самым выражает уверенность, что обращенное к ним слово будет адекватно воспринято всеми.

Вместе с тем Георгий как грамотный проповедник понимал, что состав его слушателей даже в городе Могилеве будет чрезвычайно смешанным, начиная от грамотных членов городского магистрата, представителей шляхты и купечества, и заканчивая глубоко невежественными горожанами, сельчанами и нищими, которых в те поры при храмах было всегда много (например, в Могилеве они назывались «дедами» и имели собственную иерархическую организацию). Это всегда подталкивало его к определенному упрощению стиля повествования, использованию образных, но простых выражений вплоть до просторечных, грубоватых фраз обличительного, оценочного характера. Так и в означенном слове он развернуто растолковывает слушателям тему своего выступления, используя ряд вопросов к ним, в том числе ри-

торического характера, а также цитаты из авторитетных посланий святого апостола Павла: «А что могу вам о себе сказать? Стану ли мудростию моею хвалиться, или силою и благородством величаться? Слышу, что учитель языков, Апостол Павел Коринфянам говорит: яко не мнози премудри по плоти, не мнози сильни, не мнози благородни: но буяя (глупейшего – С.С.) мира язбра Бог, да премудрыя посрамит... (1 Кор. 1, 26–29). <...> Не о том убо, не о том, но о должности собственной моей нужда мне настoит изрещи слово, и истязует у мене того самая моя должность» [2, там же].

Таким образом нарратор намеренно и открыто отстраняется от собственных суждений, от субъективного взгляда на предстоящее поприще архиерейского служения и проповедования Слова Божьего. Позиция нарратора здесь усложняется: с одной стороны, он принимает решение произнести слово к пастве, создает как бы живую текст проповеди (пусть и проработанный, и записанный заранее), но все это осуществляется по воле извне, поскольку за ним стоит другой Автор – высший повествователь «глаголов вечной жизни» Господь Бог: «Слышите убо в начале, о! уши мои, проповедь вам глаголемую; внимлите, о! разум мой и сердце, о чем с вами буду беседовать. Затверди и запечатлей, о, Епископе! чем ты Богу, чем ты людем Его сим должен еси» [2, с. 54].

Слушатели в контексте храмового богослужения, состоящего из множества цитаций библейских текстов Ветхого и Нового заветов и молитв, сочиненных святыми подвижниками «по наитию свыше», понимают, что у предлагаемого им проповеднического текста не один, а как минимум два автора: земной и небесный, т. е. видимый ими человек, в данном случае – новый Белорусский епископ, – и незримый Дух – Господь Бог. А поскольку Конисский как профессор богословия, глубоко знающий Священное Писание, активно включает в проповедь цитаты из книг пророков и апостолов, то нарратор предлагаемого слушателям спасительного слова приобретает уже не амбивалентные, а коллективные очертания, все также сходящиеся в небесной перспективе к единому повествователю Богу-Слову.

Эту мысль Конисский доказывает слушателям, приводя множество библейских и исторических примеров, от проповедников древности (пророков Иезекииля, Ионы, Исаяи, царя Давида и др.) к апостолам Новой эры и, наконец, – к великим епископам-книжникам первых веков христианства: Афанасию Великому, Василию Великому, Иоанну Златоустому, Кириллу, Григорию, Феодориту, Евсевию, Епифанию, Амвросию, Августину и мн. др., которые, по мысли Конисского, не только проповедовали при жизни, но «и по смерти своей в книгах своих проповедовать доселе не престают» [2, с. 56]. Всех их объединяет одно общее убеждение в том, что их произведения есть плод принятия воли Божией и реализации долга, возложенного на них извне: «Всего же яснее, – заключает Георгий, – оный вселенский Епископ Павел истолковал должность Епископскую в послании своем к Коринфяном: аще благовествую, говорит он о себе самом, несть ми похвалы, нужда бо ми належит: горе же мне, аще не благовествую (1 Кор. 9,16), то есть (ежели впрочем и на сие потребно кому изъяснение): лежит на вые епископской дело благовестия, аки долг неуплаченный; и если я благовествую, то не по одной воле или собственной охоте исполняю сие, с тем, чтобы мне за исполнение какого-либо воздаяния или похвалы ожидать: но по самой нужде и из повинности моей то творю...» [2, с. 56–57].

Для того чтобы слушатели не теряли нити столь сложного рассуждения о синергии воли нарратора земного и воли Нарратора небесного, Конисский на протяжении всего коммуникативного акта, от начала проповеди до конца, удерживает внимание паствы посредством множества обращений, риторических вопросов, восклицаний вплоть до риторических тирад: «Страж убо твой есмь, о доме Израилев, о Церковь Христова! Вам трубити поставлен я, о благочестивое сословие белорусское! На моих, как вижу, несчастливых руках или живот, или кровь ваша положена», «Кто сему не доверяет, пусть раскроет историю о житии и подвигах святителей первых христианских веков. Как они звание свое проходили? Спали или молчали? Одними только молитвами и постановлением пресвитеров занимались? Ах, не так, не

так!» [2, с. 55], «Простите мне, благочестивые слушатели, завременно прошу, простите в том, что я, по званию пастыря и стража, не стану молчать, живучи с вами» [2, с. 58].

Постепенно проповедник подводит слушателей к мысли о том, что не только его слово является производным от слов святых и высших, но и их разум и воля, и восприятие слова есть тоже дар, полученный извне, а не собственно личная заслуга: «Слышу, Бог глаголет: слово, которое услышиши от уст Моих, да проповеси людям от Мене, т. е. именем Моим (Иезек. 33, 7). Разумейте убо, что Бог от уст Его повелевает слышать и от имени Его проповедать» [2, с. 58]. Получается, что на рецепиенте, равно как и на нарраторе, лежит долг, возложенный Высшим Словом: нарратор обязан проповедовать, а рецепиент внимать. В противном случае главное дело человеческой жизни на земле – дело спасения бессмертной души – не осуществляется и Слово не живет в людях. Земной нарратор, не менее каждого из слушателей заинтересованный в спасении своей собственной души на том проповедническом поприще, к которому призван, здесь разделяет, опять-таки не самостоятельно, а вслед за библейским Откровением, сферу ответственности повествователя и слушателя. Если повествователь исполняет свой долг, а слушатель не исполняет, то, безусловно, рецепиент духовно гибнет, но его «кровь» уже не ложится на совесть нарратора, свершившего все доступные ему усилия в деле спасения безнадежных.

Конисский по традициям церковной гомилии всегда заканчивает слово эмоционально окрашенным молитвенным обращением к Богу и святым. В контексте повествования о задачах епископа-проповедника или «стража» народного он еще раз подчеркивает мысль о том, что и воля проповедника, и воля слушателей восходят к единой воле Бога-Слова, ею объединяются и ею спасаются от вечной гибели: «...К Тебе, о Иисусе Христе, вечный Архиерею душ наших, очи и сердце мое возвожу, и молю Тя, даждь мне уста поучати, а людям сим уши и сердца, внимати и поучатися. Язык мой да будет трость книжника скорописца (Псал. 44, 2), а сердца их – скрижали, перстом Твоим написанныя. Сам страж буди нам, охраняя нас яко зеницу ока. Сам возвещай нам волю Твою. Сам отвращай нас от пути неправды, направляя на путь истины Твоя» [2, с. 58–59].

Таким образом, в словах Георгия Конисского как глубоко религиозного церковного человека присутствует явление «многоуровневой наррации». И нарратор, и рецепиенты убеждены, что источником проповеднического слова выступает внешняя сила – Господь Бог, раскрывающий свои истины людям через авторов текстов Священного Писания и текстов актуальных проповедей разных эпох. При этом земные нарраторы, как и рецепиенты их текстов, не являются пассивными реализаторами внешней воли Божества: создавая произведения и воспринимая их, они являются «сорботниками» Творца, творческими исполнителями долга спасения, возложенного на них, по смыслу самого творения, как на свободных и мыслящих существ. И заветный результат этой совместной творческой деятельности достигается только при условии должного исполнения своего предназначения обеими сторонами творческого акта: и повествователем, и слушателями.

Библиографический список

1. Конисский, Георгий. Слово при постриге / Г. Конисский // Труды Киевской духовной академии за 1893 г. – Т. II. – № 6. – С. 291–306.
2. Слова и речи Георгия Конисского, Архиепископа Могилевского. – Могилев-на-Днепре : Скоропечатня и литография Я. Н. Подземского, 1892. – 470 с.